

ГОДЪ
Сороковой

ЛИТОВСКИЯ

3 Февраля 1902 года.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ЕПАРХИАЛЬНАЯ

№ 5.

ВѢДОМОСТИ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.

Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за предшдшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898, 1899 г., 1900 и 1901 г. по 10 к. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
" два раза 15
" три раза 20 "

СОДЕРЖАНІЕ № 5.

Мѣстные распоряженія. Перемѣщенія. Назначенія. Мѣстные извѣстія. Архіерейскія служенія. Вакансіи. Неофициальный отдѣлъ. Домашняя жизнь отца Иоанна Кронштадтскаго. Памяти С. Н. Батюшковой. При отливѣ колокола. Объявленія.

Мѣстные распоряженія.

— 24 января на вакантное мѣсто третьяго священника при Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ перемѣщенъ изъ Гродненской епархіи священникъ Дивинской Пятницкой церкви *Василій Гапановичъ*.

— 26 января и. д. псаломщика Бѣницкой церкви, Опшянского уѣзда, *Ярославъ Левинскій* предложеніемъ Его Высокопреосвященства, перемѣщенъ къ Олькеникеской ц., Трокекаго уѣзда.

Мѣстные извѣстія.

— Архіерейскія служенія. 20 января въ 35 недѣлю по 50-цѣ, Его Высокопреосвященство совершилъ Божественную литургію въ Свято-Духовомъ монастырѣ въ сослуженіи о. наѣстника и братіи. Проповѣдь сказалъ прот. К. Соболевскій.

— 27 января, въ недѣлю о Закхѣѣ, Его Высокопреосвященство совершилъ Божественную литургію въ Крестовой церкви въ сослуженіи братія Св.-Духова монастыря.

— 20 января рукоположенъ во священника къ Городекевой церкви, Вилейскаго уѣзда, *Владимиръ Ходкинъ*.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ —

Дисненскаго — с. Григоровичахъ (11).
— с. Голомыслѣ (3).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ —

Вилейскаго — въ с. Нарочи (5).
Шавельскаго — въ с. Ковнатовѣ (4).
Опшянскаго — с. Бѣницѣ (1).

Неофициальный отдѣлъ.

Домашняя жизнь о. Иоанна Сергіева Кронштадтскаго. — Въ виду того интереса, которымъ пользуется личность Кронштадтскаго батюшки, считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ познакомить своихъ читателей съ домашней жизнью о. Иоанна. Свѣдѣнія заимствуемъ изъ „Петерб. Листка“.

Посвящая большую часть своего времени обществу и вращаясь среди самой разнообразной публики въ теченіе цѣлаго дня, о. Иоаннъ бываетъ дома только рано утромъ, поздно вечеромъ и ночью. Квартира служить о. Иоанну почти исключительно мѣстомъ отдыха и постоянныхъ литературныхъ занятій. Она находится во второмъ этажѣ каменнаго церковнаго дома, съ входомъ со двора. Лѣстница, ведущая къ о. Иоанну, имѣетъ довольно запущенный видъ и оканчивается дверью, которая охраняетъ жилище пастыря

отъ вторженія нежелательныхъ посѣтителей, не стѣсняющихся нарушить покой от. Іоанна даже въ то короткое время, когда онъ отдыхаетъ дома. За дверью площадка, а затѣмъ еще двѣ двери, одна изъ которыхъ ведетъ въ переднюю, а другая—въ кухню.

Изъ передней—ходъ въ большую столовую со старинными образами въ драгоцѣнныхъ ризахъ, съ горящими день и ночь лампадами.

Въ столовой перѣдко въ минуты досуга от. Іоаннъ бесѣдуетъ со своею супругою, родственниками и близкими людьми. Супруга от. Іоанна живетъ съ нимъ въ одной квартирѣ и заботится, чтобы хоть на короткое время создать от. Іоанну нѣкоторый комфортъ и удобства, которыхъ онъ лишень, проводя цѣлый день среди постороннихъ.

Елизавета Константиновна Сергіева, урожденная Несвицкая, дочь протоіерея Андреевскаго собора, почти полъ вѣка сопутствуетъ от. Іоанну въ его жизни. Не принимая непосредственнаго участія въ его общественной дѣятельности, она заботится только объ удобствахъ, спокойствіи и хорошемъ настроеніи своего супруга. На видъ она небольшого роста старушка, полная, съ крупными чертами лица и добрымъ взглядомъ.

Поздно ночью, когда Кронштадтъ уже покоится сномъ, не спитъ Елизавета Константиновна, ожидая возвращенія от. Іоанна изъ загородной поѣздки по дѣламъ пастырскимъ. Она встрѣчаетъ его, заботливо спрашиваетъ о здоровьи и, побесѣдовавъ немного, испрашиваетъ у него благословенія и отправляется спать, убѣдившись, что „Иванъ Ильичъ“—какъ она его зоветъ обыкновенно,—чувствуетъ себя хорошо.

При Елизаветѣ Константиновнѣ, въ качествѣ компаніонки, живетъ въ настоящее время одна изъ ея племянницъ и съ нею она проводитъ дни во время отсутствія от. Іоанна.

Елизавета Константиновна особенно любитъ цвѣты и ихъ у нея въ гостиной очень много. Рядомъ съ гостиной расположена ея комната.

Налѣво отъ столовой, комната съ большимъ книжнымъ шкафомъ и старинною мебелью, а рядомъ съ нею кабинетъ от. Іоанна, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ ему и спальнею. Посреди кабинета большой письменный столъ, весь заваленный ворохами бумагъ, телеграммъ, газетъ и книгъ.

Корреспонденція от. Іоанна и даже та часть ея, которая доставляется ему непосредственно (другую часть читаетъ секретарь, племянникъ его И. В. Фиделинъ) громадна. Однѣхъ телеграммъ получаетъ от. Іоаннъ болѣе сотни въ день. Масса газетъ, книгъ и брошюръ высылаются ему различными издателями. Поздно ночью, вернувшись домой, от. Іоаннъ посвящаетъ нѣкоторое время чтенію корреспонденціи, или, очистивъ съ трудомъ уголокъ на столѣ, пишетъ свой

дневникъ. Дневникъ этотъ от. Іоаннъ ведетъ регулярно каждый день и, даже ѣдучи въ вагонѣ, торопливо набрасываетъ въ него свои мысли и впечатлѣнія.

Несмотря на видимый беспорядокъ, от. Іоаннъ разбирается въ своихъ бумагахъ легко, быстро находя то, что ему нужно. Въ отсутствіе от. Іоанна кабинетъ запирается на ключъ и вообще входить въ него безъ разрѣшенія от. Іоанна не дозволяется.

Передъ письменнымъ столомъ большая кіота со многими образами и лампадами, у стѣнъ стоятъ шкафы съ книгами духовнаго содержанія и слѣва, за ширмами, постель, на которой отдыхаетъ от. Іоаннъ отъ своихъ обширныхъ трудовъ.

Спитъ от. Іоаннъ всегда, даже зимою, при открытыхъ форточкахъ; по его словамъ, эту привычку онъ приобрѣлъ еще въ молодости и сохраняетъ теперь, такъ какъ холодъ значительно укрѣпляетъ его здоровье.

Вообще жилище от. Іоанна обставлено болѣе чѣмъ скромно, въ особенности если принять во вниманіе тѣ громадныя деньги, которыя плетутся ему со всѣхъ концовъ Россіи и которыя щедро разсылаетъ онъ самъ въ видѣ пожертвованій различнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Прислугъ у от. Іоанна въ настоящее время двѣ. Одна изъ нихъ, главнымъ образомъ, ходитъ за его супругою, и другая, пользующаяся извѣстностью у мѣстныхъ богомольцевъ и пріѣзжающихъ, по имени Жена, бойкая, живая, несмотря на свои лѣта, прислуживаетъ самому от. Іоанну.

О пищѣ от. Іоанна трудно что-либо сказать. Дома батюшка почти ничего не ѣстъ, только пьетъ чай; въ мѣстахъ, гдѣ онъ бываетъ, рѣдко соглашается раздѣлить трапезу. При такомъ неправильномъ, на обыкновенный взглядъ, питаніи, удивительно, какъ сохранилъ до сихъ поръ от. Іоаннъ такую массу жизненныхъ силъ и энергіи!..

Одежды от. Іоаннъ почти никогда не покупаетъ: ее дарятъ ему многочисленные почитатели и, притомъ, въ такомъ количествѣ, что онъ уже самъ раздаетъ ее или матерію на одежды нуждающимся.

Обувь шьетъ от. Іоанну сапожная мастерская „Дома трудолюбія“. Тамъ имѣется для от. Іоанна особыя колодки и образцы.

Встаетъ от. Іоаннъ очень рано и сразу-же выѣзжаетъ изъ дому. Пѣшкомъ от. Іоаннъ теперь почти совсѣмъ не ходитъ. Если-бы онъ пошелъ, толпа рвущаяся къ нему за благословеніемъ или помощью, сбила бы его съ ногъ и смяла.

Посмотрите, что дѣлается, когда выходитъ от. Іоаннъ откуда-либо и садится въ свой экипажъ. Сколько усилій здоровыхъ людей нужно для того, чтобы

растолкать толпу и очистить дорогу отъ Иоанну! Въ особенности это трудно во время общей исповѣди, когда тысячная масса народа приходитъ въ экстазъ и забываетъ все окружающее. Полицейскіе положительно выбиваются изъ силъ и, послѣ 4—5 часовой подобной „службы“ въ соборѣ, усталые, измученные, еле передвигаютъ ноги.

А что испытываетъ въ это время самъ от. Иоаннъ, у котораго къ физической усталости присоединяется еще и духовное чувство тяжести грѣховъ тысячи людей, которые ему приходится по долгу священника разрѣшать и о прощеніи которыхъ онъ усердно молится!..

Памяти Софіи Николаевны Батюшковой.

(Къ 20-му дню по ея кончинѣ.)

I.

(Изъ рѣчи протоіерея Г. И. Соловьева при отпѣваніи почившей).

... Я узналъ эту мудрую жену уже на склонѣ ея жизни, когда она, проводивъ на вѣчный покой неустаннаго труженика Церкви и отечества, незабвеннаго Помпея Николаевича, и сама стремилась отрѣшиться отъ этого „свѣта“ и всѣми помыслами сердца своего тяготѣла къ тому невидимому духовному, куда теперь и совсѣмъ ушла отъ насъ.

Привлеченный послужить ей благодатными утѣшеніями вѣры въ этихъ духовныхъ стремленіяхъ ея, и съ перваго же дня этого духовнаго знакомства съ почившей, плѣненъ былъ ея духовнымъ образомъ и прежде всего тою глубокою и крѣпкою и вмѣстѣ духовно-чистою любовью ея къ покойному мужу ея, которая отражалась, казалось, въ каждомъ дыханіи ея и такъ живо свидѣтельствовала объ ея высокой религіозной настроенности и широкомъ кругозорѣ. О, какое это было прекрасное и вмѣстѣ поучительное видѣніе, а теперь уже воспоминаніе!

Приготовивъ мѣсто для своего упокоенія рядомъ съ могилой своего мужа, и даже тогда же поставивъ надгробіе себѣ (какая трезвая безбоязненность смерти въ наше трусливое время!), она любила удивляться здѣсь, вспоминать, размышлять и молиться. Она не только молится, а и святыми таинствами вѣры любила освящаться именно здѣсь же, близъ могилы своего мужа, какъ бы вмѣстѣ съ нимъ. Всякій разъ, когда говорила ли она со мной, или писала мнѣ, она всегда заключала свою рѣчь просьбой о молитвѣ, и не помню ни одного случая, когда бы она отдѣлила себя при этомъ отъ Помпея Николаевича. Я не видѣлъ отношеній ея къ общественному служенію по-

койнаго мужа ея при его жизни, но то, что видѣлъ я послѣ его смерти, поражало меня. Она оживала духомъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ служеніи, какъ будто ея собственномъ и самомъ дорогимъ дѣломъ, и всѣ вы хорошо знаете, сколько жертвъ принесла она для утвержденія и развитія этого дѣла. Мнѣ лично извѣстны люди, которымъ она готова была помогать и помогала въ дѣлѣ утвержденія Православія въ Западномъ краѣ, лично этихъ людей вовсе не зная, такъ что не знаешь, чему въ ней больше можно было дивиться, — любви ли ея къ мужу, николи же отпадающей, или этой способности входить не только сердцемъ, а и умомъ въ интересы того общественнаго дѣла, которому служилъ онъ, или же, наконецъ, той мудрой тактичности, съ которою она, будучи какъ бы правою рукой своего мужа, умѣла оставаться совсѣмъ незримою для посторонняго глаза. И это въ наши дни, когда нерѣдко даже дѣвицы, едва получившія право появленія въ свѣтѣ, выходятъ на торжища и ча улицахъ кричатъ о своемъ правѣ служенія общественному благу! Поистинѣ это былъ воплощенный образъ той мудрой жены, которую восхвалялъ премудрый Соломонъ въ своихъ боговдохновенныхъ писаніяхъ.

Всѣ вы, конечно, хорошо знаете, что все это не прикрашенные мною образы, а живая дѣйствительная истина; я же, простирая слово свое въ глубь, хочу обратить ваши взоры къ той вѣрѣ ея во Христа Спасителя нашего, на которой все это утверждалось, какъ на незыблемомъ камнѣ.

Вѣра почившей, этого столпа Православія, какъ въ простотѣ называли ее нѣкоторые, не была въ ней мертвымъ кодексомъ истинъ, которыя часто не имѣютъ никакой связи съ завѣтными думами и сердечными симпатіями человѣка.

Вся жизнь почившей, не съ ея виѣшной, такъ сказать, показной стороны, а съ внутренней, сердечной, опредѣлялась этою именно вѣрой. Она, эта вѣра, была живою силой, которая, какъ свѣтъ, какъ воздухъ, проникала собою во всѣ изгибы ея мыслей, чувствъ и желаній, опредѣляя собою ихъ характеръ и направленіе. Этимъ именно и объясняется то, для свѣта не всегда бывшее понятнымъ, что она часто съ чувствомъ тихой грусти или безучастнымъ молчаніемъ относилась къ событіямъ и явленіямъ, восхищавшимъ собою другихъ до упоенія и, наоборотъ, съ непосредственно-искреннею любовію отзывалась объ едва замѣтныхъ мелочахъ; въ нихъ ее радовала одухотворявшій ихъ свѣтъ вѣры Христовой, а тѣ—чужды и тягостны были ея православному духу. Ее искренно огорчало проникавшее въ близкіе ей кружки оскудѣніе духа церковности, и она съ радостію присутствовала всякое новое явленіе, въ которомъ слышалась родная и святая старина. Оттого-то она и чти-

да такъ благоговѣнно память Царя-Миротворца за Его вѣрность дѣдовскимъ устоямъ жизни, и съ благоговѣніемъ прислушивалась къ каждому слову того первосвятителя Московскаго, въ которомъ вѣялъ духъ великаго Филарета...

Всегда спокойная и ровная, во всемъ трезво-уравновѣшенная, она непоколебима была въ своихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, и неизмѣнна, неподкупна въ своихъ привязанностяхъ, всегда слагая глаголы свои въ сердца своемъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ли знаютъ, что въ послѣднія десять лѣтъ она приступала къ Св. Тайнствамъ Исповѣди и Причастія во всѣ посты, а въ Четырдесятницу дважды; а инымъ, пожалуй, покажется непонятнымъ, если я скажу, что эти исповѣди ея были не отдѣльными моментами ея духовной жизни, не имѣющими связи съ промежуточными періодами, а заключали, такъ-сказать, собою эти періоды, связывали ихъ между собой въ одно непрерывное, жизненное дѣло,—дѣло спасенія. Какъ живой человѣкъ, съ плотью и кровью, она, конечно, не была, да и не могла быть, безстрастною, такою, для которой ничего не значатъ соблазны этого міра; но она постоянно и неустанно боролась съ этими соблазнами молчаніемъ, уединеніемъ, благочестивыми чтеніями и размышленіями, и умною молитвой побуждала ихъ въ своихъ помыслахъ.

Въ этомъ смыслѣ ея внутренняя, духовная жизнь была постоянною работою духа надъ самой собою, работою, по отношенію къ которой исповѣдь была лишь какъ бы провѣркою себя, испытаніемъ. И какъ часто я, призванный къ пастырскому окормленію ея духа въ этихъ испытаніяхъ, являлся предъ ней не мужемъ разума духовнаго, какъ подобало, а лишь благоговѣннымъ и безмолвнымъ зрителемъ этого чуднаго дыханія духовнаго, освящающимъ его благодатью Св. Духа. И сколько разъ, во дни невзгодъ житейскихъ, въ часы унынія и малодушія, въ ней же самъ я, пастырь Церкви и отецъ ея духовный, искалъ и находилъ и ободреніе, и укрѣпленіе!...

Этою-то постоянною и неустанною работою духа надъ собою почившая и восходила все выше и выше, отъ силы въ силу, въ духъ Христовъ, пока, наконецъ, какъ зрѣлый колосъ въ житницу, не уготовала себя Христовою благодатью и истиной туда, куда всегда стремилась сердцемъ. „Радуйся! Христосъ пришелъ. Съ Нимъ и смерть не страшна“, говорилъ я ей наканунѣ ея кончины, подходя къ ней со Святыми Дарами. „Да“, тихо, едва слышно, сказала она и, сподобленная Св. Тайнъ, такъ же тихо заснула вѣчнымъ сномъ для этой жизни. Кабая истинно-христіанская кончина!...

Иди же, Боголюбивая душа, съ миромъ ко Христу! Вѣра твоя спасетъ тебя...

II.
Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта
Я сохранила
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный...

Пушкинъ.

I.
Въ лицѣ скончавшейся Софіи Николаевны Батюшковой русское общество и русское дѣло лишились прекрасной, выдающейся личности.

Софія Николаевна, бывшая въ замужествѣ за братомъ (своднымъ) извѣстнаго поэта К. Н. Батюшкова,—дочь того Н. И. Кривцова, который былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ. Ему, между прочимъ, Пушкинъ послалъ какъ-то одну изъ поэмъ Вольтера, съ присоединеніемъ своего стихотворенія, начинающагося словами:

Когда сожмешь ты снова руку,

Которая тебѣ дарить,

На скучный путь и на разлuku,

Вотъ эту книжечку Харить.

На прекрасную юбилейную Пушкинскую выставку въ Петербургѣ 1889 года Софія Николаевна прислала изъ многочисленнаго своего собранія портретовъ акваральный портретъ своего отца, уже старымъ, съ костылями, въ деревнѣ, въ креслѣ среди сада.

Несомнѣнно, эти Пушкинскія воспоминанія—сопровождали ее всю жизнь и оказали вліяніе на ея любовь къ русской литературѣ, на ея интересъ къ умственной жизни Россіи. И какъ бы черезъ поколѣніе—ей передались лучшія черты женщинъ Пушкинско-й эпохи,—тѣхъ женщинъ, которыхъ чтили, которымъ открывали душу свою Пушкинъ, Лермонтовъ, которыхъ собирались въ обаятельныхъ домахъ Карамзинныхъ, Вяземскихъ, Смирновыхъ.

Къ сожалѣнію, нигдѣ, кажется, не былъ даже и затронутъ вопросъ о томъ вліяніи, которое оказали на развитіе русской литературы своею нравственною поддержкою образованныя, чуткія, сердечныя и отзывчивыя русскія женщины,—тѣ, о которыхъ могли съ восторгомъ сказать поэты:

Глаза прелестныя читали

Меня съ улыбкою любви,

Уста волшебныя шептали

Мнѣ звуки сладкіе мои.

Вѣдь что-то глубокое, какое-то великое воздѣйствіе правдивой и сильной, чистой женской души на мятежную душу поэта сказывается хоть бы въ той неизмѣнной привязанности, которую на всемъ пространствѣ лѣтъ сознательныхъ своей жизни, отъ ученическихъ царскосельскихъ годовъ до могилы, питалъ Пушкинъ къ женѣ Н. М. Карамзина.

Вотъ, раненный, чувствуя скорый конецъ, онъ

произносить короткую и важную для него просьбу: „Карамзину!“—зоветъ ее, чтобъ она перекрестила его на смерть.

Кто знаетъ, какимъ множествомъ лучшихъ, чистѣйшихъ вдохновеній своихъ поэтовъ обязана Россія этимъ избраннымъ женскимъ натурамъ со всѣмъ ихъ душевнымъ богатствомъ.

Вотъ отзвуки впечатлѣній, произведенныхъ ими на чуткія души поэтовъ:

Все тихо, просто было въ ней
—драгоценнѣйшія черты въ образѣ Татьяны—

Душа хотѣла бъ ей молиться,

И сердце рвется обожать...
Пишетъ Тютчевъ объ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, которой сочувствіе и нравственная поддержка была живою водой для поэзіи графа А. К. Толстого.

Помните его посвященіе Ей своихъ стиховъ.

Ты помнишь день, когда Ты долу

Склоняся поникшею главой,

Внимала русскому глаголу

Своею русскою душой...

Въ женщинахъ этого типа, составлявшихъ святую души лучшихъ Русскихъ людей, кромѣ ихъ грѣющаго сочувствія ко всему выдающемуся, свѣтило, горѣло еще одно чудное качество: любовь къ Россіи, уваженіе къ ея прошлому, къ тому, что долгими вѣками неимовѣрныхъ страданій выработалъ, прочувствовалъ Русскій народъ, любовь и преданность тому, что чтить, чему поклоняется этотъ народъ.

Такіе центры, какъ гостинная Карамзинныхъ, куда многіе годы по вечерамъ, даже поздно вечеромъ, послѣ театра, съѣзжались запросто *поговорить*—потерянное теперь искусство,—гдѣ сіялъ такимъ благодушіемъ своимъ Жуковскій, сверкалъ вдохновеніемъ и изумительно начитанностью своею Пушкинъ, гдѣ въ такихъ бесѣдахъ съ дочерьми давно умершаго Н. М. Карамзина отводилъ бурную душу свою Лермонтовъ, а много позже рояль жемчужины своего остроумія Тютчевъ,—такой центръ былъ не только убѣжищемъ высокаго литературнаго вкуса. Тамъ горячо обсуждались вопросы о жизни Россіи, и къ мнѣніямъ, шедшимъ оттуда, прислушивался даже Государь Николай Павловичъ.

Куда все это ушло? Гдѣ эти убѣжденные женщины, для которыхъ Россія была страстью души, которыя не только умѣли сочувствовать всѣмъ добрымъ проявленіямъ русской жизни; но умѣли негодовать на то, что гнило и силится заразить всѣхъ своимъ гнильемъ. Сумѣли бы онѣ при случаѣ оборвать разныхъ доморощенныхъ антинационалистовъ съ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, скудоуміемъ, слабо прикрытымъ безбрежною развязностью, чтобы не сказать наглостью!

Гдѣ эти: кроткая, истово-православная графиня

А. Д. Блудова, самоотверженная подвижница графиня О. Е. Путятина; гдѣ извѣстная прямодушною рѣзкостью своею, говорившія правду въ лицо царямъ Е. Н. Карамзина, А. О. Тютчева, которыя бы могли быть особенно драгоценны по нынѣшнимъ временамъ, когда отовсюду

Полѣзли изъ щелей

Мошки и букашки,

хотя и ничтожныя, но умѣющія—невиданное чудо—прегромко и препротивно жужжать; когда избранныки цѣлаго сословія со всѣми признаками хвастовства, съ потугами, громогласно, льютъ потоки грязи на вѣка русскаго прошлаго?..

II.

Пришлось такъ долго остановиться на воспоминаніяхъ прошлаго, на томъ, какъ изъ разсказовъ современниковъ выясняются нѣкоторыя стороны типа „Пушкинской“ женщины для того,—чтобы близостью къ этому типу яснѣе очертить личность Софіи Николаевны Батюшковой.

Да, она тоже, съ виду не поглощенная общественною дѣятельностью, потрудилась и сдѣлала на своемъ вѣку не мало для русскаго дѣла. И, что главнѣе всего, сдѣлала это незамѣтно, своимъ вліяніемъ на мужа.

Теперь, когда обоихъ ихъ нѣтъ въ живыхъ, можно громко сказать, что, по отзывамъ лицъ, давно знавшихъ супруговъ Батюшковыхъ, Софія Николаевна сдѣлала чрезвычайно много для развитія мужа, для того, чтобъ изъ него вышелъ тотъ убѣжденный русскій дѣтель, какимъ онъ заявилъ себя. Нѣкоторые даже—мнѣніе, можетъ-быть, слишкомъ преувеличенное,—готовы были за дѣятельностью Помпея Николаевича видѣть, главнымъ образомъ, Софію Николаевну.

Съ мужемъ своимъ пережила она недолгое, грустное по интригамъ, которыя встрѣчала его дѣятельность по возрожденію въ краѣ русскихъ началъ жизни, но славное время его попечительства въ Вильнѣ, закончившееся совершенно неожиданнымъ смѣщеніемъ его, когда его уваженіе къ Русской народности и къ Православію оказались „не ко двору“ при печальной памяти генераль-губернаторѣ Потаповѣ.

Удаленные изъ края, который, до попечительства, былъ уже имъ дорогъ и близокъ тѣмъ, что П. Н. Батюшковъ завѣдывалъ восстановленіемъ въ этомъ краѣ старыхъ и возведеніемъ новыхъ храмовъ,—супруги Батюшковы душой остались близки Литвѣ.

За послѣдніе годы жизни, Софіи Николаевнѣ выпала счастливая доля слѣдить за оживленіемъ въ краѣ русской жизни. Нахожденіе ея имени въ коллективной депешѣ, посланной къ торжеству открытія памятника графу М. Н. Муравьеву, было особенно

дѣнно. Этотъ день былъ для нея радостнымъ днемъ.

Послѣдніе годы жизни, утративъ въ 1892 г. мужа, схороненнаго въ Москвѣ, Софія Николаевна провела въ своемъ московскомъ домѣ, на Большой Никитской.

Ея любовь къ мужу и память о немъ были трогательны. Она со слезами вспоминала о немъ. Рядомъ съ могилой его въ Новодѣвичьемъ монастырѣ лежалъ совершенно такой же, какъ и надъ нимъ, памятникъ, гдѣ были выбиты ея имя, годъ рожденія и только оставалось поставить день смерти.

Теперь это пустое мѣсто на памятникѣ можно заполнить.

Кто-то въ Петербургѣ пустилъ про нее прозвище: „Les ruines de Pompée *), съ ироніей надъ ея привязанностью къ мужу.

Она узнала объ этомъ и только поразовалась. Даже говорили, что она сама сказала первую это „mot“.

Окруженная памятью былаго: портретами, воспоминаніями о мужѣ, изданными имъ книгами о томъ же русскомъ Западѣ, глубоко и сосредоточенно набожная, безъ той аффектаціи, которая и на искреннихъ людей подчасъ налагаетъ тѣнь ханжества, она тихо доживала свои дни.

Но въ этой медленно догорающей старой женщинѣ поражала ея духовная молодость, отзывчивость на волнующую жизнь Россіи, на работу русской мысли, на ходъ русскихъ дѣлъ.

Поразительно было также, встрѣчая ее въ первый разъ и зная ея годы, видѣть предъ собой стройную женщину, прямо державшуюся, хотя и совершенно сѣдую, съ тонкою таліей.

Вся ея внѣшность носила несомнѣнные признаки той, изъ поколѣнія въ поколѣніе передававшейся, культуры, которая создаетъ въ высшемъ кругу столь законченные, совершенные совѣи и изящные типы. И такимъ прекраснымъ сочетаніемъ казалась эта европейская изысканная внѣшность съ ея русскою душой.

Образованная, одаренная основательнымъ, глубокимъ и находчивымъ умомъ, прекрасно говорившая, доброжелательная, полная тою умною любознательностью добраго стараго времени, обладавшая, между прочимъ, рѣдкимъ качествомъ пріязни—сочувственно и со вниманіемъ *слушать* собесѣдника: что-то хорошее оставалось въ душѣ увидавшего ее.

Теперь эта полная добра, мысли и одушевленія благородная жизнь угасла. И лучшими короткими словами на ея могилу должны быть слова:

„Здѣсь лежитъ Русская женщина“.

Е. Поселянинъ.

*) Развалины Помпея (Помпеи). По—французски имена города Помпеи и мужское имя Помпей имѣютъ одинаковое произношеніе.

При отливкѣ колокола.

— Скорѣе, батюшка, опоздаете! привѣтствовалъ насъ управляющій знаменитымъ на всемъ Сѣверѣ колокольнымъ заводомъ, встрѣчая у подъѣзда и провожая въ сарай, предназначенный для отливки колокола. Былъ жаркій іюльскій полдень. Въ воздухѣ стояла сушь и духота отъ повсемѣстныхъ лѣсныхъ пожаровъ. Еще жарче было въ заводѣ, гдѣ всѣ помѣщенія нагрѣвала до высшей температуры громадная, во всю стѣну, плавильная печь, по своимъ размѣрамъ напоминавшая ту, которую когда-то поставилъ царь вавилонскій на полѣ Деиръ.

Въ заводѣ насъ встрѣтили десятка два рабочихъ, усталые, съ измученными, закоптѣвшими лицами и мастеръ, славившійся во всей окрестности своимъ особеннымъ умѣнемъ обращаться съ расплавленной мѣдью. Это былъ человѣкъ лѣтъ подь сорокъ, высокаго роста, съ нѣсколько строгимъ, торжественнымъ выраженіемъ лица, мистически настроенный и очень религіозный. Дѣлу своему онъ былъ преданъ всей душой и смотрѣлъ на него, какъ на высокое свое назначеніе, какъ на постоянную службу Богу. По внѣшнему виду и по костюму онъ напоминалъ собою не то „странника“, не то сборщика,—типъ, которымъ такъ богата сѣверная Русь, сохранившая во всей чистотѣ обычай добраго стараго времени. Мастеръ не преминулъ сообщить намъ, что еще ночью, до свѣту, съ Божьей помощью, раскалена плавильная печь и что мѣдь теперь уже давно расплавилась и готова къ отливкѣ.

Какъ ни мало было времени въ нашемъ распоряженіи, но мы съ батюшкой, въ первый разъ присутствовавшие при отливкѣ колокола, успѣли осмотрѣть интересное сооруженіе, подошли къ отверстию печи. Огонь бушевалъ въ ней со всею силой. Искры летѣли во всѣ стороны, чередуясь съ продолжными и поперечными огненными полосами, блестящими, быстрыми, готовыми ежекъ не только устѣ, въ которое онѣ опирались, но и насъ самихъ. Нужна большая привычка, а непривычному крѣпкіе нервы, чтобы равнодушно и безъ боязни смотрѣть на все-сокрушающую силу пламени...

Божье дѣло мы всѣ—и заводскіе рабочіе, и мы съ батюшкой—начали общей молитвой. Сбоку громадной печи, на мѣстѣ, гдѣ утверждена въ глиняной формѣ для колокола, двое рабочихъ поставили столъ, накрытый бѣлой скатертью и прилѣпили нѣсколько свѣчей къ закоптѣвшему въ стѣнѣ образу Спасителя; батюшка облачился и началъ молебенъ. Настроеніе у всѣхъ было нѣсколько повышенное: у насъ—вслѣдствіе непривычной обстановки, у мастеровъ—какъ всегда предъ началомъ святаго дѣла. Напряженные нервы особенно замѣтны были въ общемъ одушевленномъ,

прочувствованномъ пѣвнн. Послѣ молебна столъ отставили прочь, батюшка окропилъ святой водой форму колокола и отошелъ въ сторону, а на мѣсто стола предъ иконой всталъ главный мастеръ въ башлыкѣ и рукавицахъ. Всѣ посторонились въ напряженномъ ожиданіи. Къ мастеру подошли двое рабочихъ и по командѣ „отвернули краны“—отбили клюкой глиняную замазку отъ устья печи... Быстро, все сильнѣе и сильнѣе наполняя воздухъ дымомъ и угаромъ, бросилась красная, расплавленная мѣдь отъ устья печи по желобу по направленію къ отверстию формы. Хлопнулъ выстрѣлъ (это началъ выходить изъ формы воздухъ) и надъ формой загорѣлся синій огонекъ. Рабочіе спѣшно накрыли огневую массу сверху жестяными колпаками и сдерживали пламя. Все дѣлалось въ торжественномъ безмолвіи; слышно было только, какъ, обратившись лицомъ къ всесокрушающей силѣ огня, командовалъ безстрашный мастеръ, да какъ хлопотала мѣдь, сердясь, что заключаютъ ее въ тѣсную форму. Малѣйшая неосторожность и—страшная сила металла могла обрушиться на стоявшихъ вблизи зрителей и обратить ихъ въ пепелъ. Жутко и страшно было съ непривычки. Купецъ, стоявшій рядомъ со мной, поминутно крестился и въ страхѣ призывалъ имя Божіе. Кто-то изъ обывателей—посмѣлѣе—хотѣлъ бросить въ сплавъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, но предупреденъ былъ, что колоколь отъ этого звучнѣе не будетъ. Еще ранѣе мастеръ совѣтовалъ эти деньги прибавить къ капиталу, затраченному на покупку мѣди, чтобы мѣдь была лучшаго качества... Воздухъ становился все удушливѣе. Угаръ распространялся всюду и кружилъ голову. Мы не выдержали и отошли подальше, окутываемые облакомъ дыма и искрами со всѣхъ сторонъ. Что-то страшное и таинственное совершалось около плавильной печи. За огнемъ и дымомъ видны были лишь темныя очертанія фигуръ рабочихъ, да слышенъ лязгъ желѣзныхъ орудій, которыми они приводили въ повиновеніе силу металла. Адъ кромѣшный виднѣлся предъ нами... Наконецъ, минутъ черезъ пять послѣ начала отливки, среди шума орудій и треска огня, мастеръ скомандовалъ: „довольно мѣди!“ и отирая грязнымъ рукавомъ, сошелъ съ своего наблюдательнаго поста, а рабочіе остановили сплавъ и начали бросать въ устье печи мокрую глину, пока не залѣпили его совсѣмъ. Тогда всѣ чинно встали предъ закоптѣвшимъ ликомъ Спасителя и долго и истово молились, усердно отбивая поклоны. Впереди всѣхъ молился главный мастеръ, за нимъ рабочіе—каждый на своихъ мѣстахъ... На мѣстѣ „ада“ осталось одно только пожарище, да въ воздухѣ стоялъ запахъ углекислоты, доводившій до обморока слабонервныхъ зрителей. Колоколь нашъ былъ готовъ; съ нимъ отлито нѣсколько маленькихъ

колоколовъ, и всѣ они теперь „стыли“: на мѣстѣ красной мѣди замѣтны были темныя, точно бронзовыя полосы... Мало по малу дымъ разсѣялся и можно было рассмотреть убогую обстановку сарая: закоптѣлыя стѣны, единственное окно, изъ котораго падалъ свѣтъ на полуразбитыя формы и нѣсколько блоковъ, придѣланныхъ сверху и предназначенныхъ для подъема отлитыхъ колоколовъ изъ земляной ямы.

У насъ оставалось въ распоряженіи еще нѣсколько свободныхъ минутъ, и мастеръ предложилъ намъ воспользоваться ими для осмотра остальныхъ помѣщеній завода: побывалъ съ нами въ „иконной“, гдѣ приготовляются изъ воску изображенія для колоколовъ и въ сарай, гдѣ складываются формы для отливки колокола. Словоохотливый рабочій, показывая въ разныхъ стадіяхъ приготовки колокольных формы, прочиталъ намъ на своемъ оригинальномъ нарѣчій цѣлую лекцію*). Какъ и всякій специалистъ, онъ больше всего хвалилъ свою специальность, говорилъ, что все дѣло—въ формѣ: хорошо приготовлена форма, умѣло высушена—и колоколь хорошій

*) Приводимъ здѣсь резюме этой „лекціи“.—Работа начинается укладкой изъ кирпича такъ называемой „стопы“, внутренней части формы колокола. По изготовленіи, она обвязывается проволокой и просушивается. Затѣмъ накладывается первый слой глины—„подслой“ и тоже просушивается. По охлажденіи формы, накладывается новый слой изъ красной глины и, когда онъ отвердѣетъ, обматывается проволокой, которая врубается въ глину молотками. Это называется „повивкой формы“. Послѣ повивки форму опять сушатъ. Затѣмъ „притачиваютъ“ форму бѣлой глиной съ пескомъ и снова сушатъ. Когда форма остынетъ, на нее накладывается *глиняный колоколь*, который просушивается не менѣе 36 часовъ. Послѣ просушки форма притачивается сначала жидкой глиной, потомъ смазывается саломъ и затѣмъ на нее ставятся изображенія иконъ, надписи и прочія украшенія, которыя отъ огня, при просушкѣ, выгораютъ, а мѣсто ихъ остается внутри верхняго слоя формы. По окончаніи уборки формы, ее намазываютъ красной глиной, разведенной на крѣпкомъ суслѣ. Замазка эта должна продолжаться трое-четверо сутокъ, почти непрерывно. Это называется „гонкой крыши“. Послѣ гонки крыши форма обкладывается пенькой съ жидкой глиной и опутывается кругомъ проволокой и опять просушивается. Затѣмъ на горячую форму накладывается руками толстый слой глины, такъ называемый первый кожухъ и просушивается не менѣе двухъ сутокъ. Потомъ на горячую же форму и также руками накладывается второй кожухъ. И этотъ также просушивается, при чемъ просушка идетъ непрерывно днемъ и ночью. Ко второму кожуху примазывается нѣсколько желѣзныхъ крючьевъ, которые связываются кругомъ формы желѣзными обручами, закручиваются крѣпкой проволокой, замазываются глиной и, по просушкѣ, форма считается законченной. По окончаніи отдѣлки формы, верхняя часть ея снимается глиняный колоколь разбирается, потомъ снова верхняя часть формы накладывается на нижнюю и

будетъ, плохо приготовленная форма—колоколь вновь переливать придется. Въ слѣдующемъ помѣщеніи мы видѣли станокъ, на которомъ особыми подпилками полируются колокола. прежде чѣмъ сдавать ихъ заказчикамъ. Изъ земли колоколь вынимается темный, а отсюда выходитъ чистый и свѣтлый.

Последнія минуты на заводѣ мы провели во дворѣ, гдѣ рядомъ съ дровами, бревнами и негодными вещами изъ домашняго обихода лежали въ беспорядкѣ цѣлые десятки колоколовъ равной величины; тутъ же—одинъ средній и одинъ большой колоколь висѣли на перилахъ на болѣе почетномъ мѣстѣ. Маленькіе колокола были предназначены къ отправкѣ къ Болгарію, средній вѣшалъ куда-то на Каму, а большой—на берега Печоры, въ Архангельскую губернію. Затѣмъ мастеръ привелъ насъ къ особому музыкальному инструменту изъ колоколовъ, который по устройству напоминаетъ собою громадныхъ размѣровъ рояль или фисгармонію, съ тѣмъ только отличіемъ, что здѣсь весь механизмъ на виду. Подъ навѣсомъ привѣшено двадцать два колокола постепенно уменьшающейся величины**), въ порядкѣ трехъ октавъ, и отъ языка каждаго колокола, какъ лучи къ центру, проведены проволоки къ самой незамысловатой клавиатурѣ, утвержденной на одномъ изъ перилъ, въ видѣ небольшого ящика. Мастеръ рассказывалъ, что все это сооруженіе вѣзидо вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ, на выставку и что французамъ особенно нравился ихъ національный гимнъ на русскихъ колоколахъ. Батюшка, великій искусникъ во всякой клавиатурѣ, сейчасъ же сѣлъ за клавиши и подъ его умѣлыми руками въ моментъ ожили мѣдные языки. Колокола запѣли „Богъ Господь и явился намъ“... „Благообразный Іосифъ“—болгарскаго распѣва,—чудная, торжественная мелодія, если кто помнитъ ее въ исполненіи Синодальнаго хора въ Москвѣ или хора Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ. Въ стройномъ оркестрѣ мы слышали затѣмъ „Тебе

переносится посредствомъ блоковъ къ плавильной печи, гдѣ устанавливается въ плотно утрамбованную яму и обсыпается землей со всѣхъ сторонъ. На поверхности земли остаются только два отверстія: одно, въ которое пропускаютъ мѣдъ, другое, въ которое выходитъ воздухъ во время отливки.

**) Колокола подобраны въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я октава: до—30 пуд., ре—16 пуд., ми—11 пуд., фа 9½ пуд., соль—7 п. 15 ф., ля—5 п. 3 ф., си—4 п. 5½ ф.; 2-я октава: до—3 п. 20 ф., ре—3 п. 11 ф., ми—3 п. 5 ф., фа—2 п. 9½ ф., соль—2 п. 7½ ф., ля—1 п. 2½ ф., си—1 п. 7¾ ф.; 3-я октава: до—1 п. 2¼ ф., ре—1 п. 4 ф., ми—1 п. 3 ф., фа—32 ф., соль—30 ф., ля—29 ф., си—21½ ф. и до—15 фунтовъ.

одѣющагося свѣтомъ яко ризою“: маленькіе колокола плачутъ: „увы, мнѣ, чадо мое, увь мнѣ, Свѣте мой“, и имъ въ отвѣтъ тридцати пудовая октава ведетъ торжественный аккомпаниментъ: „Его же малѣ солнце на крестѣ висима узрѣвшее, мракомъ облагашеся и земля страхомъ колебашеся и раздирашеся церковная завѣса“... Дальше: „Волною морскою“ съ неподражаемымъ переборомъ колоколовъ на словахъ: „спасенныхъ отроцы, но мы яко отроковицы“... „Воявленія Твоего, Христе“, и наконецъ совѣмъ ужъ печальное — „Не рыдай мене мати“...

Лицо батюшки прояснилось, загорѣлся взоръ, и мы все въ благоговѣйномъ настроеніи переживали вновь святые дни. Даже рабочіе—и тѣ заслушались, оставили свою работу... А батюшка все проникновеннѣе и одушевленнѣе повторялъ одно за другимъ церковныя пѣснопѣнія и показывалъ намъ, какъ умѣло поютъ и какую мысль выражаютъ въ томъ или иномъ мотивѣ пѣвцы знаменитыхъ столичныхъ хоровъ. Въ воображеніи своемъ онъ на этотъ разъ переселился въ Москву и Петербургъ, да и мы съ нимъ тоже забыли, что находимся не въ столичномъ соборѣ...

Черезъ недѣлю я снова былъ на заводѣ. Нашъ колоколь уже былъ совѣмъ готовъ и привѣшенъ подъ навѣсомъ. Мастеръ чуть тронулъ его за языкъ, и звукъ чистый, серебряный огласилъ окрестность.

— Звучный вышелъ колоколь!—похвалилъ мастеръ свою работу. (Самар. еп. вѣд.)

К. Казанскій.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ І. Ю. ДОРОЖИНСКАГО

въ г. Венгровѣ, Сѣдлецкой губ.

Отливаетъ новые и переливаетъ разбитые колокола всякаго вѣса, по присутственнымъ дѣламъ, съ гарантіею 10 лѣтъ.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей
Іоаннъ Хотовицкій.